

КАРЛОС
ФУЭНТЕС

КАРЛОС
ФУЭНТЕС
АУРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-3(72)
ББК 84(7Мек)-44
Ф96

Серия «Классики магического реализма»

AURA
LOS DIAS ENMASCARADOS
CANTAR DE CIEGOS
AGUA QUEMADA

Перевод с испанского

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Brandt & Hochman Literary Agents, Inc. и Andrew Nurnberg.

Фуэнтес, Карлос.

Ф96 Аура [сборник ; перевод с испанского] / Карлос Фуэнтес. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Классики магического реализма).

ISBN 978-5-17-095483-4

В сборник вошли повести Карлоса Фуэнтеса «Соженная вода» и «Аура» и рассказы, часть которых публикуется на русском языке впервые.

Проза Фуэнтеса удивительна и не вписывается в тесные рамки жанровых определений. Все очень ясно, прозрачно и в то же время немного странно. Здесь есть и сочный, страстный национальный колорит, оттеняющий причудливые фантазии автора, и психологическая глубина, и жаркие инстинкты, скрываемые за бесстрастным выражением лиц.

Фантастическое и приземленное, прошлое и настоящее, трагическое и смешное переплетаются в его произведениях настолько естественно и плотно, что ни один из текстов Фуэнтеса невозможно разбить на составные части — можно лишь наслаждаться красотой его языка и полетом его острой, зачастую парадоксальной мысли.

УДК 821.134.2-3(72)
ББК 84(7Мек)-44

ISBN 978-5-17-095483-4

© Carlos Fuentes, 1954, 1962, 1964, 1981
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

АУРА

*Посвящается
Маноло и Тере Барбачано*

Мужчина охотится и воюет.
Женщина плетет интриги и мечтает;
фантазия — ее вотчина, боги —
ее порождение. Она обладает
вторым зрением — крыльями, уносящими
ее в бескрайние просторы желаний
и воображения... Боги подобны
мужчинам: они рождаются и умирают
на груди у женщины...

Жюль Мишле

1

Ты недоверчиво вглядываешься в строки объявления: не каждый день делают подобные предложения. Снова и снова перечитываешь газетный текст. Такое впечатление, что он адресован именно тебе и никому другому. Ты сидишь в обшарпанной забегаловке, роняешь пепел от сигареты в чашку с недопитым чаем и не замечаешь этого. Твои глаза прикованы к объявлению. Требуется молодой историк. Аккуратный. Добросовестный. Со знанием французского. В совершенстве владеющий литературным языком. Знакомый с работой секретаря. Итак, молодой историк, владеющий французским, желательно — проживший какое-то время во Франции. Три тысячи песо в месяц плюс питание и удобная светлая комната, приспособленная под рабочий кабинет. Недостаёт лишь твоего имени. Чтобы в объявлении черным по белому было напечатано:

© Перевод В. Капанадзе, 2015.

Фелипе Монтеро. Требуется Фелипе Монтеро, бывший студент Сорбонны, историк, напичканный бесполезными сведениями, привыкший корпеть над пожелтевшими от времени бумагами, младший преподаватель, дающий уроки в частных школах за девятьсот песо в месяц. Конечно, если бы ты прочел подобное, то заподозрил бы подвох, воспринял бы это как розыгрыш. Просьба прийти по адресу: улица Донселес, 815. Телефона нет.

Ты подхватываешь свой портфель, оставляешь на столе чаевые. А ведь вполне возможно, что, пока ты здесь сидел, точно такой же молодой историк, раньше тебя прочитавший объявление, успел сходить по указанному адресу, и место уже занято. Гоня от себя эти мысли, ты направляешься к перекрестку. В ожидании автобуса закуриваешь и повторяешь в уме исторические даты, которые должен знать назубок, дабы твои оболтусы наконец-то прониклись к тебе уважением. Пора готовиться. Автобус уже показался, и ты, уткнувшись невидящим взглядом в носки своих черных туфель, сосредоточенно шарить по карманам в поисках мелочи. Пора готовиться к штурму. Нашупав горсть медяков, ты отсчитываешь тридцать сентаво, зажимаешь монеты в кулаке, хватаешься за железный поручень в дверях автобуса, который и не думает останавливаться, вспрыгиваешь на подножку, кое-как протискиваешься сквозь плотную толпу пассажиров, платишь тридцать сентаво, цепляешься правой рукой за петлю, а левой прижимаешь к себе портфель, привычно накрыв ладонью задний карман брюк, где лежит бумажник.

День пролетит в обычной суете, и ты ни о чем не вспомнишь до следующего утра, когда усядешься за столиком в той же дешевой закусочной, спросишь завтрак и раскроешь газету. А дойдя до страницы объявлений, снова увидишь знакомые крупные буквы: *молодой историк*. Значит, вчера туда никто не ходил. Ты пробежишь

глазами текст и вдруг обнаружишь на последней строчке: четыре тысячи песо.

Странно, что кто-то может жить на улице Донселес. Тебе всегда казалось, что в старом центре города вообще никто не живет. Медленно шагая по тротуару, ты пытаешься отыскать номер 815 среди скопления старых колониальных особняков, где ныне разместились мастерские по ремонту всякой всячины, часовые и обувные магазинчики, стойки с прохладительными напитками. Нумерация домов здесь много раз менялась, новые таблички соседствуют с прежними, и разобраться в этой путанице нет никакой возможности. За 13-м домом следует 200-й, под старинным изразцом с номером 47 заботливо выведено мелом: «*теперь* 924». Ты поднимаешь глаза к верхним этажам: там все осталось по-старому. Ни грохот музыкальных аппаратов, ни яркий свет ртутных ламп, ни витрины с дешевыми безделушками — ничто не в силах омрачить или исказить этот второй лик зданий. Стены, сложенные из вулканической породы, ниши с фигурами святых, изуродованными временем и увенчанными голубями, каменный орнамент в стиле мексиканского барокко, решетчатые балконы, узкие слуховые окна, черепичные желоба, водостоки из песчаника. Окна занавешены от солнца длинными зеленоватыми шторами, и в одном из них кто-то маячит, но тут же исчезает, подметив твой взгляд. Ты переводишь глаза на портал, прихотливо увитый диким виноградом, на облупившуюся дверь и вдруг видишь прямо перед собой: «815, *бывший* 69».

Никто не отзывается на стук медного дверного молотка, отлитого в форме головы собаки. Впрочем, она настолько стерлась и потеряла вид, что скорее напоминает голову собачьего зародыша из музея естественных наук. Этот уродец словно подсмеивается над твоими потугами, и ты отталкиваешь от себя холодную медь. Этого оказывается достаточно: от легкого толчка дверь приотворяется.

Прежде чем переступить порог, ты оборачиваешься и бросаешь прощальный взгляд на город, на длинную вереницу машин, скопившихся у перекрестка: они нетерпеливо рычат, гудят, изрыгают удушливый дым. Ты разочарованно хмуришь брови, словно ожидал иного напутствия от равнодушно-безликого внешнего мира.

Затворив дверь, ты попадаешь в кромешную темноту крытого перехода — похоже, он ведет во внутренний дворик, потому что тебе в нос ударяет запах влажного мха, прелых листьев, гниющих корней, дурманящий густой аромат. Ни намек на свет, который подсказал бы дорогу. Ты нащупываешь в кармане спички, но тоненький надтреснутый голос предупреждает тебя откуда-то издалека:

— Не трудитесь... В этом нет необходимости. Прощу вас, сделайте тринадцать шагов вперед, и справа от вас окажется лестница. Поднимитесь, пожалуйста, наверх. Там двадцать две ступеньки. Считайте, когда будете идти.

Тринадцать шагов. Направо. Двадцать две ступеньки.

Запах плесени и гнили сопровождает тебя, пока ты осторожно ступаешь по каменным плиткам, а затем карабкаешься вверх по скрипучей деревянной лестнице. Ты считаешь про себя трухлявые ступеньки и, дойдя до двадцать второй, останавливаешься, зажав под мышкой портфель и держа наготове коробок со спичками. Прямо перед тобой дверь, пахнущая влажной смолистой древесиной. Ты шарить в поисках ручки, не обнаружив ее, толкаешь дверь и ступаешь на тонкий вытертый коврик. Он то ли сбился, то ли плохо расправлен, потому что ты сразу спотыкаешься и тут обнаруживаешь, что темнота немного отступила: в помещение откуда-то просачивается тусклый сероватый свет.

— Сеньора, — негромко произносишь ты, потому что голос, который направлял тебя, вроде бы принадлежал женщине. — Сеньора...

— Теперь налево. Первая дверь. Будьте так любезны.

Ты толкаешь очередную дверь, не сомневаясь, что она откроется, так как уже понял: поворачивающиеся ручки с защелками здесь не в чести, — и золотые лучики, словно невесомые шелковистые паутинки, опутывают тебе ресницы. Поначалу ты видишь перед собой лишь пляшущие на стенах неровные тени да десятки мерцающих огоньков. Приглядевшись, обнаруживаешь, что это свечи, множество свечек на беспорядочно развешанных по стенам полочках и подставках. А еще в полумраке поблескивают серебряные сердца, какие-то склянки, стекла в рамах. За этой сверкающей, переливающейся завесой не сразу разглядишь кровать, откуда тянется чья-то рука, словно подзывая тебя дрожащими пальцами.

Ты заметишь этот жест, когда отведешь взгляд от сияющих созвездий. Обойдешь кровать, ухитрившись при этом наткнуться на ножку, и остановишься у изголовья. Маленькая тщедушная фигурка почти незаметна на широкой постели; ты протягиваешь ей руку, но твои пальцы неожиданно проваливаются в густой теплый мех, скользят по пушистым ушам некоего существа — оно сосредоточенно грызет что-то, поглядывая на тебя красными глазками. Ты улыбаешься в ответ, гладишь кролика, привалившегося к руке, которая наконец-то приближается к твоей, и вот уже ледяные пальцы сжимают твою потную ладонь, переворачивают ее, тянут к подушке, и твоя рука, пытаясь освободиться, скользит по кружевной наволочке.

— Меня зовут Фелипе Монтеро. Я по вашему объявлению.

— Я уже догадалась. Извините, здесь негде присесть.

— Все в порядке, не беспокойтесь.

— Ну хорошо. Будьте так добры, станьте в профиль. Мне вас плохо видно. Повернитесь к свету. Вот так. Прекрасно.

— Я прочел ваше объявление...

— Разумеется. Прочли и посчитали, что справитесь, не так ли? *Avez vous fait des études?**

— A Paris, madame.

— Ah, oui, ça me fait plaisir, toujours, toujours, d'entendre... oui... vous savez... on était tellement habitué... et après...**

Ты отходишь чуть в сторону, чтобы не загоразивать свет, и теперь отблески серебра, стекла и пламени свечей падают на шелковый чепец, из-под которого выбиваются совершенно белые пряди, на лицо, до того старое и морщинистое, что оно выглядит младенческим. Высокий белый воротник, застегнутый на все пуговицы, доходит до самых ушей, целиком скрывая шею; тело укутано простынями и одеялами, на плечи накинута шерстяная шаль, так что ты можешь созерцать лишь бледные руки, покоящиеся на животе, да сморщенное личико старухи. Ты почтительно смотришь на нее, пока кролик не затеет возню, что позволит тебе отвести взгляд и окинуть украдкой ветхое одеяло из красного шелка, усеянное хлебными корками и крошками.

— Давайте перейдем к делу. Мне недолго осталось жить на этом свете, сеньор Монтеро, и потому я напоследок решила пожертвовать своим покоем и дать это объявление в газету.

— И я на него откликнулся.

— Совершенно верно. Следовательно, вы согласны.

— Но мне хотелось бы прежде выяснить кое-какие подробности...

— Конечно. А вы, оказывается, любопытны.

* — Вы учились где-нибудь? (*фр.*)

** — В Париже, мадам.

— О, для меня такое наслаждение слышать эту речь, всегда, всегда... да... вы понимаете... я так привыкла... а потом... (*фр.*)

Смутившись, ты машинально переводишь взгляд на ночной столик, где громоздятся разноцветные пузырьки, стаканы, алюминиевые ложки, коробочки с порошками и пилюлями. Несколько стаканов с остатками беловатой жидкости стоят прямо на полу— там, куда смогла дотянуться рука этой старой женщины, распростертой на низкой кровати. Только сейчас, когда с нее спрыгнет кролик и тут же растворится в темноте, ты заметишь, что кровать эта едва возвышается над полом.

— Я буду платить вам четыре тысячи песо.

— Да, я прочел в сегодняшнем объявлении.

— А, значит, оно уже вышло?

— Да, вышло.

— Речь идет о записках моего мужа, генерала Льюренте. Их необходимо привести в порядок, прежде чем я умру. Они непременно должны быть изданы. Я так решила недавно.

— А сам генерал... Он что, не в состоянии...

— Он скончался шестьдесят лет назад, сеньор. Это его незавершенные мемуары. Их следует дополнить, пока я еще жива.

— Да, но...

— Я вам все расскажу. Вы освоите манеру моего мужа. Вам достаточно будет свести воедино и прочесть его записки, чтобы проникнуться очарованием этого прозрачного слога, этого...

— Понимаю.

— Сага, Сага! Где же ты? Ici*, Сага...

— Кто это?

— Мой дружок.

— Кролик?

— Да. Ничего, скоро вернется.

Ты вскинешь глаза на старуху и, хотя ее губы уже не

* Ко мне (*фр.*).

шевелются, явственно услышишь слово «вернется», как если бы она повторила его еще раз. Но она молчит. Ты оглядываешься на ее святилище, и тебя ослепляют золотистые и серебряные отблески. Ты вновь переводишь взгляд на хозяйку дома и замечаешь, что глаза у нее неестественно широко раскрыты — светлые, водянистые, огромные, они почти одного цвета с желтоватыми белками, и лишь черные точки зрачков нарушают незамутненную ясность взгляда, еще минуту назад прятавшегося за набрякшими складками век, за опущенными ресницами и вот уже снова ускользящего — отступающего, подумается тебе, под защиту своих бастионов.

— Значит, вы остаетесь. Ваша комната наверху. Она действительно очень светлая.

— А может, мне не стоит переезжать, сеньора? К чему причинять вам лишние хлопоты? Я вполне могу просматривать рукописи у себя дома...

— Нет, таковы мои условия: жить вы должны здесь. Слишком мало времени осталось.

— Я даже не знаю...

— Аура...

Сеньора Льоренте зашевелится — впервые за все время, что ты находишься в этой комнате, — снова протянет руку, и ты вдруг почувствуешь рядом чье-то прерывистое дыхание, а перед твоими глазами мелькнет еще одна рука, которая коснется пальцев старухи. Ты повернешься и увидишь девушку, но не сможешь как следует разглядеть ее, ведь она стоит почти вплотную к тебе. Странно, что ты не заметил, как она подошла, ведь здесь так тихо, что любые звуки привлекли бы твое внимание — даже такие, которых мы иной раз вроде бы вообще не слышим, хотя они вполне реальны и потом всплывают в памяти...

— Я же сказала, что вернется...

— Кто?

— Аура. Мой дружок. Моя племянница.

— Добрый день.

Девушка наклонит голову, и старуха тут же повторит ее движение.

— Это сеньор Монтеро. Он будет жить у нас.

Ты отходишь от изголовья, чтобы слепящий свет не мешал рассмотреть девушку. Она стоит, прикрыв глаза и сцепив руки на бедре. Потом медленно, словно с опаской, поднимает ресницы, и ты наконец можешь заглянуть в бездонную зеленую глубину ее глаз, переменчивых, как море, и завораживающих, как шум прибоя, пенные языки волн, разбивающихся о берег..

Ты пытаешься избавиться от наваждения, уверить себя, что видишь всего лишь зеленые глаза — да, они очень красивы, но мало ли красивых зеленых глаз на свете! Однако себя не обманешь: эти глаза излучают особый свет, все время меняются и манят, зовут тебя в таинственные и прекрасные дали.

— Хорошо. Я буду жить у вас.

2

Старуха одарит тебя улыбкой, даже тихонько засмеется и скажет, что ценит твою готовность пойти ей навстречу и что девушка покажет тебе комнату, а ты вспомнишь про обещанные четыре тысячи песо и подумаешь, что такая работа, не требующая ни физического напряжения, ни постоянных разъездов, ни неизбежных и утомительных разговоров с чужими людьми, как раз по тебе. Зарыться с головой в старые рукописи — что может быть лучше?

Погруженный в эти мысли, ты идешь вслед за девушкой — хотя не видишь ее, а лишь слышишь, как шуршит впереди юбка из тафты, — и тебе не терпится снова заглянуть в ее глаза. Ты поднимаешься все выше и выше в густом полумраке, прислушиваясь к шороху юбки, и вдруг

вспоминаешь, что сейчас должно быть уже около шести вечера. Поэтому тебя так поразит залитая светом комната, когда Аура распахнет дверь — очередную дверь без запора — и отойдет в сторону со словами:

— Это ваша комната. Через час ждем вас к ужину.

Она тут же удалится, шелестя юбкой, и ты опять не успеешь рассмотреть ее лицо.

Плотно прикрыв за собой дверь, ты поднимешь глаза к огромному, во весь потолок, окну. Забавно, что этот ровный предзакатный свет показался тебе ослепительно ярким после полумрака, окутывающего дом. Присев на позолоченную металлическую кровать, ты с удовольствием ощущаешь под собой пружинящую мягкость матраса и оглядываешь свое новое жилище: красный шерстяной ковер, обои в золотисто-оливковых тонах, красное плюшевое кресло, старый письменный стол орехового дерева, обтянутый зеленой кожей, старинная керосиновая лампа — при ее неярком свете тебе предстоит работать по вечерам, над столом — книжная полка, уставленная томами в одинаковых переплетах. Тыходишь к другой двери и, открыв ее, попадаешь в старомодную туалетную комнату: фарфоровая ванна на ножках, расписанная цветочками, голубой умывальник, допотопный унитаз. Здесь же платяной шкаф, тоже ореховый. Ты смотришься в большое овальное зеркало: хмуришь густые брови, вытягиваешь трубочкой пухлые губы и дуешь на стекло, отчего оно сразу затуманивается. Задержав дыхание, ты зажмуриваешься, а когда вновь открываешь глаза, тумана как не бывало. Ты проводишь рукой по прямым волосам, таким же черным, как глаза, по узкому худому лицу, касаешься пальцами впалых щек. И твое отражение в зеркале опять потускнеет, когда ты несколько раз произнесешь имя девушки: Аура...

Ты ложишься на кровать, выкуриваешь две сигареты подряд и смотришь на часы. Тут же вскакиваешь, наде-

ваешь пиджак, наспех приглаживаешь волосы. Выйдя из комнаты, долго соображаешь, в какую сторону идти. Хорошо бы оставить дверь открытой, чтобы пламя керосиновой лампы освещало тебе дорогу, но это невозможно: пружина тут же захлопывает ее. Можно, конечно, взять лампу с собой, но, поразмыслив, ты приходишь к выводу, что не вправе нарушать постоянный полумрак этого дома. Волей-неволей придется знакомиться с ним на ощупь. Ты пускаешься в путь, вытянув перед собой руки, как слепой, и стараясь держаться стены, но вдруг задеваешь плечом электрический выключатель. Темноту пререзает ослепительная вспышка, и ты, часто моргая, застываешь посреди длинного голого коридора. В конце его виднеются перила винтовой лестницы.

Ты спускаешься по ней, ведя счет ступенькам: к этому тебе тоже придется привыкать в доме сеньоры Льоренте. Спускаешься все ниже, и вдруг под ногой вспыхивают две красные бусинки: ты едва не наступил на кролика, который резко отпрыгивает в сторону и пускается наутек.

Ты уверенным шагом пересекаешь переднюю, потому что Аура уже поджидает тебя со свечой в руке у приоткрытой двери с матовыми стеклами. Улыбаясь, ты направляешься к ней, но, не дойдя до девушки каких-нибудь двух шагов, замираешь на месте: откуда-то доносится жалобное мяуканье, причем не одной, а сразу нескольких кошек. Убедившись, что слух тебя не обманывает, тыходишь в двери гостиной вслед за Аурой.

— Это кошки, — подтвердит девушка. — Наш квартал кишит мышами.

Вы проходите через гостиную: мебель в чехлах из матового шелка; горка, заполненная фарфоровыми статуэтками, часами с музыкой, орденами, хрустальными шариками; персидские ковры; картины, изображающие пасторальные сцены. На окнах зеленые бархатные шторы. И Аура тоже в зеленом.